

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств имени Святителя
Алексия, митрополита Московского»

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки: 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и
литература)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:
Вечные вопросы бытия в лирике А.А. Ахматовой

Выполнила студентка
4 курса группы ОФ-401
очной формы обучения
Рыбакова Анастасия
Александровна

(подпись)

Научный руководитель
Мартынова Татьяна
Ивановна,
к. фил. наук, доцент

(подпись)

Допустить к защите:
И.о. зав. кафедрой русского
языка и литературы Трофимова А.В.

(подпись)

«__» _____ 2024г.

Тольятти
2024

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский
язык и литература)»

УТВЕРЖДАЮ
И.о. зав. кафедрой Трофимова А.В.

(подпись) (И.О.Ф.)

«____» _____ 2024 г.

**ЗАДАНИЕ
На выполнение бакалаврской работы**

Студентка: Рыбакова Анастасия Александровна

1. Тема: Вечные вопросы бытия в лирике А.А. Ахматовой
2. Срок сдачи законченной бакалаврской работы: 04.06.2024г.
3. Исходные данные: научные статьи, учебная литература по теме исследования, периодические издания, сборники стихов и др.
4. Содержание работы: введение, первая глава, вторая глава, заключение, библиографический список.
5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала: научные статьи по творчеству А.А. Ахматовой.
6. Дата выдачи задания «01» февраля 2024 г.

Научный руководитель _____ к.ф.н., доцент Т.И. Мартынова
(подпись)

Задание принял к исполнению _____ А.А. Рыбакова
(подпись)

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и литература)»

УТВЕРЖДАЮ

И.о. зав. кафедрой русского
языка и литературы

(подпись) Трофимова А.В.

« ____ » _____ 2024 г.

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

выполнения бакалаврской работы

на тему: Вечные вопросы бытия в лирике А.А. Ахматовой
студентки: Рыбаковой Анастасии Александровны

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении
1.	Поиск литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	01.02.24	01.02.24	Выполнено
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	10.02.24	10.02.24	Выполнено
3.	Написание разделов ВКР	06.05.24	06.05.24	Выполнено
	Введение	01.03.24	01.03.24	Выполнено
	1 глава	25.04.24	25.04.24	Выполнено
	2 глава	06.05.24	06.05.24	Выполнено
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	11.05.24	11.05.24	Выполнено
5.	Оформление работы	17.05.24	17.05.24	Выполнено

6.	Предзащита бакалаврской работы	18.05.24	18.05.24	Выполнено
7.	Исправление замечаний	31.05.24	31.05.24	Выполнено
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	04.06.24	04.06.24	Выполнено
9.	Получение отзыва от руководителя	04.06.24	04.06.24	Выполнено
10.	Получение справки о проценте оригинального текста	18.05.24	18.05.24	Выполнено
11.	Подготовка доклада и иллюстрированных материалов для защиты	08.06.24	08.06.24	Выполнено
12.	Изучение отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания	04.06.24	04.06.24	Выполнено

Научный руководитель _____ к.ф.н., доцент Т.И. Мартынова
(подпись)

Задание принял к исполнению _____ А.А. Рыбакова
(подпись)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ТЕМАТИКА В ПОЭЗИИ А.А. АХМАТОВОЙ.....	10
1.1 Образ Родины в поэтическом мире А.А. Ахматовой	10
1.2 «...То пятое время года». Тема любви в творчестве А.А. Ахматовой	15
1.3 Тема памяти в лирике А.А. Ахматовой.....	20
1.4 Мотив смерти и бессмертия в поэзии Ахматовой	25
ГЛАВА 2. БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. АХМАТОВОЙ	32
2.1 Религиозные символы в дореволюционной лирике А.Ахматовой	32
2.2 Образы Вечной Книги в мини-цикле «Библейские стихи»	35
2.3 Евангельские символы в поэме «Реквием».....	40
2.4 Образ Матери и мотив вечной жизни в финале поэмы «Реквием»	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	56

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX века и нынешнего столетия произведения А. А. Ахматовой остаются фактом духовной жизни эпохи, сохраняют свою эстетическую ценность, обнаруживают неисчерпаемый нравственно-философский потенциал. Поэтому вполне можно согласиться с К. Паустовским, сказавшим, что «Анна Ахматова - целая эпоха в поэзии нашей страны». Ее творчество внесло свой вклад не только в русскую, но и в мировую культуру.

Анна Ахматова — русская поэтесса, снискавшая славу еще до начала первой мировой войны. Однако долгое время творчество Ахматовой было под запретом, так как её произведения не соответствовали новой эпохе, периода, когда была так важна духовно-нравственная составляющая в человеке. Запрет не заставил Анну Андреевну перестать писать. Но и до сих пор в творчестве Ахматовой открываются неизвестные страницы.

Тема нашего исследования необычайно актуальна, так как мы переживаем период возвращения в общество духовных, нравственных ценностей. Однако вопросы художественного воплощения философского миропонимания и религиозного чувства до сих пор остаются на периферии внимания большинства исследователей в поэзии Ахматовой. Ведь, в основе творчества каждого большого художника лежит Божественное слово. Обращение к вечным вопросам бытия в творчестве любого писателя - это художественный способ углубления смысла произведения.

В основу теоретического обоснования данной работы положены труды учёных Коваленко С. А. [Коваленко 2001], Мещерякова В. П. [Мещеряков 2016], Самсоновой Т.А. [Самсонова 2008], Эйхенбаума Б. М. [Эйхенбаум 2014], Жирмунского В. М. [Жирмунский 1973]. В первую очередь, это анализ творчества Ахматовой конца 10-х - начала 20-х годов в монографии «Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла» Л.Г. Кихней [Кихней 1997], особенно

ценны для нас труды Корона В.В. [Корона 1999], Виноградова В.В. [Виноградов 1925], Руденко М.С. [Руденко 2013], а также изыскания литераторов и критиков «русского зарубежья» -К. Мочульского [Мочульский 2001], Н. Струве [Струве 1992], и др. Стоит заметить, что их труды долгое время были недоступны российскому читателю и стали известны в России только в конце 1980-х - начале 1990-х годов.

Даже самый беглый обзор литературы об Ахматовой приводит к следующему выводу: присутствие в ее творчестве библейских мотивов, нравственно-философских образов признается за аксиому, но подавляющее большинство исследователей ограничивается лишь констатацией этого факта. Вместе с тем поэзия Ахматовой насыщена философскими обобщениями, углубляет художественную ценность и несомненное историко-культурологическое значение.

Объектом исследования данной бакалаврской работы является духовно-философская лирика А.А. Ахматовой 1910-60-х годов.

Предметом исследования служат духовно-нравственные мотивы и образы в лирике поэтессы: образ Родины, мотив памяти, сущность любви, осмысление проблемы смерти и бессмертия, религиозные символы в дореволюционной лирике, реминисценции Вечной книги в поэме «Реквием».

Цель бакалаврской работы: анализ бытийной и религиозной тематики в лирических произведениях А.А. Ахматовой.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть ведущие нравственные ценности поэзии Ахматовой-отношение человека к Родине, глубокому чувству любви.
2. Выявить и охарактеризовать основные нравственно-философские мотивы в поэзии А.А. Ахматовой: памяти, смерти и бессмертия
3. Проанализировать мотивы и образы Вечной Книги в творчестве поэтессы.

4. Выявить Евангельскую символику в поэме «Реквием».

В работе используются следующие методы научного исследования: мотивный, интертекстуальный анализ, сравнительный и биографический метод.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Анна Андреевна Ахматова является художником поистине философского склада, так как именно бытийные вопросы составляют идейно-содержательное ядро всей её поэзии. Какой бы темы ни касалась поэтесса, какую бы форму ни использовала в создании своих поэтических образов, на всем лежит отпечаток глубоких авторских размышлений о жизни и смерти, памяти и ее роли в человеческом существовании, значении и сущности любви в нашей жизни. Поэту было свойственно, таким образом, тяготение к глубокому действенному познанию человеческой сути и мироздания.

2. В поэзию А. А. Ахматовой органично вошло не только философское отношение к проблемам бытия, но и христианское мировоззрение, что нашло отражение как в образном и идеологическом строе ее поэзии, так и в жизненной позиции. Её стихотворения насыщены православной символикой и церковной атрибутикой: мы встречаем образы храмов, упоминания о православных праздниках и святых, создающие особый колорит, контекст духовности, также многочисленны реминисценции из Священного Писания.

Научная новизна исследования обусловлена необходимостью осмысления творческого наследия А.А Ахматовой с позиций современной литературоведческой науки, попыткой представить творчество поэта в его художественно-философском единстве.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты настоящего исследования могут быть использованы как база для последующего изучения данного вопроса, а также в преподавательской деятельности при изучении творчества Анны Ахматовой в школе и вузе.

Апробация работы. Материалы исследования были представлены в форме докладов на IV Рождественских образовательных чтениях Тольяттинской

епархии (диплом I степени) с докладом «Библейские сюжеты и символы в поэме А.А. Ахматовой «Реквием», VI Региональной молодежной научно-практической конференции «Поволжский фестиваль студенческой науки» с докладом «Библейские мотивы в лирике Анны Ахматовой», V Рождественских образовательных чтениях Тольяттинской епархии (диплом I степени) с докладом «Новаторство Ахматовой в интерпретации ветхозаветных сюжетов в мини цикле «Библейские стихи», IV Поволжском педагогическом форуме «Система непрерывного педагогического образования: инновационные идеи, модели и перспективы» с докладом «Символические образы в поэме А.А. Ахматовой «Реквием», XLVIII Самарской областной научной конференции с докладом «Новаторство А. А. Ахматовой в интерпретации ветхозаветных сюжетов в мини цикле «Библейские стихи». По материалам бакалаврской работы были опубликованы следующие статьи: «Новаторство Ахматовой в интерпретации ветхозаветных сюжетов в мини цикле «Библейские стихи» в научно-методическом журнале «Педагогический форум» 1(13) за 2024 год, «Библейские мотивы в лирике Анны Ахматовой» в сборнике материалов докладов VI Региональной молодежной научно-практической конференции «Поволжский фестиваль студенческой науки».

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, который насчитывает 50 источников.

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, определяется объект, предмет, практическая и теоретическая значимость, цель и задачи исследования.

В первой главе «Нравственно-философская тематика в поэзии А.А. Ахматовой» раскрываются ведущие мотивы и образы в поэзии А.А. Ахматовой, рассматривается спектр вечных вопросов бытия на примере конкретных произведений поэтессы.

Вторая глава «Библейские мотивы в творчестве А.А. Ахматовой» посвящена реминисценциям Вечной книги в поэзии А.А. Ахматовой. Многие произведения как ранней, так и поздней лирики поэтессы насыщены православными понятиями веры, сострадания, любви, милосердия, первородного греха и раскаяния. Подробно рассматривается христианско-религиозная символика в поэме «Реквием».

В заключении обобщаются основные результаты исследования и приводятся выводы по работе.

Библиографический список насчитывает 50 источников.

ГЛАВА 1. НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ТЕМАТИКА В ПОЭЗИИ А.А. АХМАТОВОЙ

1.1 Образ Родины в поэтическом мире А.А. Ахматовой

Из «глубинных слоев духовной жизни» вошла в русскую поэзию тема Родины. На протяжении столетий любовь к России окрыляла «минуты вдохновения» не только поэтов, но и композиторов, живописцев, скульпторов, зодчих. Родина для великих творцов русского искусства — это не страна проживания, но прежде всего особое место на земле, с которым срослось все существо художника, его радости и горести, желания сердца и душевная боль.

Для А.А. Ахматовой Дом — это родина, родная русская земля. Этому Дому она с юных лет отдавала все свои самые светлые чувства:

«По аллее проводят лошадок.

Длинные волны расчесанных грив.

О, пленительный город загадок,

Я печальна, тебя полюбив.» [Ахматова 2001: 59]

Поэтесса всегда с душевным трепетом и огромной любовью относилась к родному дому, Царскому селу, где прошло ее детство и юность.

1 августа (19 июля по ст. ст.) 1914 г. Германия объявила войну России. В книге “Белая стая”, созданной в годы Первой мировой войны (1914—1917), отражая народный страх грядущей катастрофы, Ахматова написала стихотворении "Июль 1914" [Ахматова 2001: 71]:

«Пахнет гарью. Четыре недели

Торф сухой по болотам горит.

Даже птицы сегодня не пели,

И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,

Дождик с Пасхи полей не кропил.

Приходил одноногий прохожий

И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.
Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Произведение можно считать пророческим. В русском обществе царили противоречивые настроения, поэтесса с горечью говорила о "вдовьем плаче", заменившей дождь "красное влаге", "затоптанных полях". Все же Ахматова верила, что Бог не допустит поражения православной Руси: "...нашей земли не разделит на потеху себе супостат".

В 1918 г. началась эмиграция: многие близкие Ахматовой люди покидали Россию. Однако поэтесса отказывается покидать свою родину, чувствуя свою ответственность перед Россией. К эмигрантам она обратилась в стихотворениях «Мне голос был. Он звал утешно...» (1917г.), «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922 г.) [Ахматова 2001: 147]:

«Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам...»

Стихотворение было написано А.А. Ахматовой в 1922 году. Оно вошло в сборник «Anno Domini». Лирическое произведение относится к гражданской лирике, основной его темой является патриотизм, трагическая судьба человека, переживающего трудные минуты вместе со своей страной. Лирическая героиня в произведении сильная, стойкая и решительная. Поэтесса сразу же, в первой строчке, отделяет себя от эмигрантов и изгнанников. Для А. Ахматовой не было выбора остаться в России или

уехать. Будучи патриоткой своей страны, она решает остаться на родине, как бы трудно ни было, она готова ко всем испытаниям и ударам судьбы.

Ахматова отвергает самооправдание поэтов-эмигрантов и считает необходимым остаться на родине, чем бы это не грозило:

«А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя» [Ахматова 2001: 378]

Двадцатые, тридцатые и сороковые годы поэтесса представляет как время, когда в «сюжете» разворачиваются основные трагические действия.

Разлуку с Родиной она считает высшим несчастьем и отчасти предательством, верность ей в самых трагических обстоятельствах - нравственным долгом. В стихотворении "Данте" (1936 г.), в котором, по словам Анны Ахматовой, она "соединила все... мысли об искусстве", поэт оказывается в ситуации выбора между Родиной и потерей чести. Нравственный компромисс признается поэтом невозможным, и его свободный личный поступок осмысливается как образ духовной стойкости и высокий нравственный идеал:

«Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, -
Но босой, в рубахе покаянной.
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной... » [Ахматова 2001: 487]

Ахматова использует прием свернутого сопоставления, связанный с особым характером употребления указательного местоимения этот; с

помощью данного приема образы прошлого обобщаются и проецируются на современную поэту действительность. На фоне семантических контрастов выделяется сквозной мотив памяти о Родине, любовь к которой носит трагический характер. У истоков подлинно высокой поэзии таким образом оказываются страдание, нравственная стойкость и непримиримо-требовательная любовь к Родине.

В годы Великой Отечественной войны А. Ахматова пишет стихи «Клятва» (1941 г.), «Мужество» (1942 г.), в которых выражается общее для всего народа чувство. В печати стали появляться её грозные строки, глубоко созвучные народному мужеству и народному гневу:

«И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!» [Ахматова 2001: 251]

Стихотворение «Мужество» было напечатано в газете «Правда» и стало символом сопротивления и бесстрашия:

«Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.» [Ахматова 2001: 260]

В этом стихотворении автор призывает отстоять Россию, сохранить великую русскую культуру, «великое русское слово».

Стихи Ахматовой военного периода лишены картин фронтового

героизма, написаны от лица страдающей, но мужественно переносящей испытания женщины, оставшейся в тылу.

Стихотворение “Родная земля” было написано Ахматовой 1961 году, когда она находилась в одной из больниц Ленинграда. Это стихотворение пропитано народным признанием, наполнено чувством сострадания, душевности, таинственности. Ахматова дает свое поэтическое определение понятия “Родина”, которое полемически противопоставляется другим возможным трактовкам и толкованиям:

«В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем.
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно - своею.» [Ахматова 2001: 503]

Чистая любовь и почитание своей страны, это те чувства, которыми пронизана каждая строчка стихотворения. В этом произведении речь идет не о стране, а о её земле. Земля, которая всех кормит и поит, давая не только пищу, но и кров.

Тема Родины в произведениях поэтессы многогранна. Огромная любовь к Отчизне, родному дому, глубокие переживания за судьбу страны делают стихотворения Ахматовой особо ценными. Она никогда не критиковала власть в жестокой форме, но и не пыталась её хвалить. Поэтесса

осталась верна до конца своей жизни своему литературному стилю, образу жизни и любви к Родине.

1.2 «...То пятое время года». Тема любви в творчестве А.А. Ахматовой

Любовь всегда была главным вдохновляющим мотивом жизни поэтессы. Для Ахматовой любовь не просто чувство, это жизненный путь, выявляющий высоту личности героини. В произведениях поэтессы любовь всеобъемлюща и многогранна: от ненависти и отчаяния до глубокого всеобъемлющего чувства. Сама Ахматова называла любовь «пятым временем года». Все краски этого прекрасного человеческого чувства, всю бурю страстей и разочарования передают строки ее любовной лирики. Любовь меняет отношение человека к миру. В своих стихотворениях она изображает волнения, скрытые чувства и переживания, что охватывают лирическую героиню, ее широкое понимание мира, способность нести и передавать любовь.

Безусловно, тема любви доминирует в произведениях молодой Ахматовой, но лирическая героиня никогда не выставляет свои чувства на показ, они скрыты в глубине души. Поэтому большинство ранних ахматовских стихотворений — это маленькие новеллы («Двадцать первое. Ночь. Понедельник.», «Я любви твоей не прошу...», «Сжала руки под темной вуалью...» [Ахматова 2001] и другие), баллады («Сероглазый король»)- произведения о ярком и застывшем мгновении жизни.

Существенные особенности любовной лирики Ахматовой в своем исследовании выделила А.М. Дикаева. В лирической героине стихов Ахматовой, в душе самой поэтессы постоянно живет жгучая, требовательная мечта о любви истинно высокой, ничем не искаженной. Любовь у Ахматовой — грозное, повелительное, нравственно-чистое, всепоглощающее чувство, заставляющее вспомнить библейскую строку: «Сильна, как смерть, любовь — и стрелы ее — стрелы огненные».

При чтении ее первого сборника "Вечер", опубликованного в начале

1912 года, можно отметить самобытность чувств лирической героини:

«Как велит простая учтивость,
Подошёл ко мне, улыбнулся...
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его напрасно.
Отошёл ты. И стало снова
На душе и пусто, и ясно.» [Ахматова 2001: 25]

В стихотворении «Смятение» трагедия десяти лет рассказана в одном кратком событии, одном жесте, взгляде, слове. Нередко миниатюры А. Ахматовой были принципиально незавершёнными. Они походили, скорее, не на роман, а на вырванную из него страничку, не имеющую ни начала, ни конца и заставляющую читателя самого додумывать, что же происходило между героями прежде. Нередко миниатюры Ахматовой создают ощущение незавершенности, фрагментарности. В. Гиппиус называл такие стихотворения «гейзерами».

Психологизм – отличительная черта ахматовской лирики. Но психология, чувства в стихах поэта передаются не только через непосредственные описания, но и через конкретную, психологизированную деталь. В поэтическом мире Ахматовой очень значимыми являются художественная деталь, вещные подробности, предметы быта. Показывая, а не разъясняя, используя прием говорящей детали, Ахматова добивается достоверности описания, высочайшей психологической убедительности. Это могут быть детали одежды (меха, перчатка, кольцо, шляпа и т.п.), предметы быта, времена года, явления природы, цветы, и т.д.

Стихотворение «Хочешь знать, как всё это было?..» (1910) – одно из наиболее характерных в этом плане:

«Хочешь знать, как всё это было? –
Три в столовой пробило,
И прощаясь, держась за перила,

Она словно с трудом говорила:

«Это всё... Ах, нет, я забыла,

Я люблю вас, я вас любила

Ещё тогда!»

«Да». [Ахматова 2001: 73]

Произведение пронизано любовью, горечью разлуки. Это мимолетное воспоминание, которое навсегда осталось глубоким отпечатком в сердце лирической героини. Поэтесса вносит свою интерпретацию в изображение чувства любви, высокую идею равенства мужчины и женщины в отношениях. Многие ошибочно видели в стихах А. Ахматовой лишь внешнюю сторону – угнетённость, разочарование любовью.

В стихотворении «Любовь покоряет обманно...» Анна Ахматова описывает ушедшую любовь, которую сравнивает с «отравой»:

«Любовь покоряет обманно,

Напевом простым, неискусным.

Еще так недавно-странно

Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась

В садах твоих, в доме, в поле,

Повсюду тебе казалось,

Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею

И пивший ее отравы.

Ведь звезды были крупнее,

Ведь пахли иначе травы,

Осенние травы.» 1911 г. [Ахматова 2001: 138]

Под воздействием любви лирической героине кажется, что и звезды светят ярче, и травы пахнут иначе. Но любовь проходит, проходит та свобода и радость, которую она дает, и наступает момент, когда человек задумывается о ее смысле, важности. Это стихотворение о прошлом, об

упущенных возможностях, ведь мы начинаем ценить что-либо, только когда теряем.

Стихи 1920-30-х годов кардинально отличаются от ранних произведений. Творчество поэтессы переживает эволюцию. В произведениях появляется движение к большей глубине, трагедийность, психологизм. Жизнь в стихотворениях А.А. Ахматовой приобретает массу оттенков, становится более многомерной и многоплановой. Образ любви стал не только богаче и многоцветнее, но и трагедийнее:

«Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивились люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?..
Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее,
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось – сейчас забелеет прозрачный подснежник...

Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.» [Ахматова 2001: 203]

Стихотворение звучит торжественно, приподнято. Подлинное чувство возносится поэтессой на духовный, библейский уровень. Любовь меняет отношение человека к миру. За предзнаменованиями, выраженными во множестве сравнений, угадывается кто-то, кто дал приказ облакам «этот купол собой не темнить», по чьему-то повелению куда-то «провалились студеные влажные дни», кто-то заставил крапиву пахнуть «как розы, но только сильнее». Любовь- это дар, который дан человеку свыше. Это высокое чувство меняет восприятие мира лирической героини, ее чувства, звуки, запахи: все обостряется под сильным влиянием чистой любви.

Оксюморон «весенняя осень» вполне гармонирует с необычным сравнением, мотив весны дополняет, обогащает и одухотворяет вечный образ любви: «и весенняя осень так жадно ласкалась к нему...», указывая на высокое понимание отношений между возлюбленными.

Любовная лирика поэтессы переживала эволюцию. Ахматовой казалось, что она писала лишь о горестях, блужданиях, бурях в своей жизни. Но сквозь личные переживания поэтесса отражала и настроение эпохи. Ощущение непрочности бытия пронизывает лирику поэтессы в те годы:

«Ты пришёл меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.
«Ты пришёл меня утешить, милый...»
Она сравнивает себя с кукушкой в часах:
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.
«Я живу как кукушка в часах...» [Ахматова 2001: 294]

Следует отметить, что любовное чувство передано у Ахматовой и через смену времен года: от нежного света весеннего солнца, превращающегося в жаркое дуновение знойного «ветра душного», – до «легкого осеннего снежка», предзимья, которое дарует долгожданное прозрение. Любовное томление, нестерпимое ожидание иногда емко воспроизведено при помощи цвета и звука:

«Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой...» [Ахматова 2001: 320]

Глубокая сердечная тоска образно сравнивается с птицей, вылетевшей в «пустынную ночь», чтобы продолжать свое пение.

Так в стихотворении «Гость» ярко выражены острое страдание, бессильная ярость покинутой, униженной женщины и наряду с этим чувство тоскливой покорности судьбе:

«О, я знаю: его отрада –
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать...» [Ахматова 2001: 346]

В произведении отображено особое психофизическое состояние героини, стирающее границы между ощущениями духа и тела.

А.И. Павловский в своей книге «Анна Ахматова - жизнь и творчество» говорил, что действительно самая характерная героиня своего времени именно Ахматова, явленная в бесконечном разнообразии женских судеб: любовницы и жены, вдовы и матери, изменявшей и оставляемой. [Павловский 1991: 190].

Ахматова была несравненным по поэтическому своеобразием художником любви. Все отмечали «загадочность» ее лирики; при всем том, что ее стихи казались страничками писем или оборванными дневниковыми записями, крайнее немногословие, скупость речи оставляли впечатление немоты или перехвата голоса. «Ахматова в своих стихах не декламирует. Она просто говорит, еле слышно, безо всяких жестов и поз. Или молится почти про себя. В этой лучезарно-ясной атмосфере, которую создают ее книги, всякая декламация показалась бы неестественной фальшью», — писал К.И. Чуковский [Чуковский 1988: 180].

Поэтесса создала целую книгу женской души, выразила в своих произведениях сложную историю женского характера переломной эпохи, его истоков, ломки, нового становления.

1.3 Тема памяти в лирике А.А. Ахматовой

А.А. Ахматову можно назвать художником философского склада, так

как именно вопросы бытия и тема памяти в том числе, составляют идейно-содержательную основу всей её поэзии. Анализируя образ памяти в лирике поэтессы, О.А. Пороль отмечает, что «память— одна из самых частотных пространственно-временных категорий в лирике А.Ахматовой». Понимание памяти в лирике поэтессы имеет широкое значение. Это и память как индивидуальный, «психофизический» дар, и память историческая, нравственно-философская категория жизни. Мотив памяти становится весомым уже в ранней лирике поэтессы 1910-х годов.

Теме памяти посвящены многие стихотворения: «В ремешках пенал и книги были...» о первой встрече с Н. Гумилевым, «серым лебеденком», «Умирая, томлюсь о бессмертье...» (1912), о детстве и юности «Вижу выцветший флаг над таможенной...» (1913).

Можно сказать, что память в поэтическом мире Ахматовой — это то, что противостоит разрушению и смерти, путь к перерождению, возрождению прошлого; память — мудрая хранительница, которая помогает переосмысливать разные жизненные ситуации и прежние установки.

Образ памяти становится основой для связи прошлого и настоящего, позволяет соотнести человека с историей. Многие исследователи, например, такие как К. Чуковский, Ю. Левин, В. Топоров, именно этот мотив считают основополагающим для творчества Ахматовой [Кихней 1997: 145]. Это своего рода призма, сквозь которую преломляются ключевые идеи и образы её поэзии.

Обратим внимание, что концепт памяти возникает также в названиях многих стихотворений поэтессы: «Из памяти твоей я выну этот день...»; «Голос памяти»; «Памяти друга»; «Тяжела ты, любовная память...»; «И в памяти черной, пошарив, найдешь...»; «И в памяти, словно в узорной укладке...»; «Подвал памяти» [Ахматова 2001] и многих других.

В цикле «Венок мертвым» она отдает дань памяти тем, чьи имена были ей дороги - И. Анненскому, О. Мандельштаму, Б. Пильняку, М. Цветаевой, М. Булгакову, Б. Пастернаку.

В ранней лирике память реализуется как естественное, органичное свойство человеческого сознания, позволяющее поэту художественно запечатлеть мир («Я вижу все. Я все запоминаю»), воплощать прошлое, как длящееся и эмоционально переживаемое бытие, - в настоящем. Именно воспоминания служат сюжетным каркасом «лирических новелл».

Одним из символов памяти является и образ письма, который можно встретить в стихотворении А. А. Ахматовой «Ты письмо мое, милый, не комкай...» (1912). Стихотворение имеет кольцевую композицию. Лирическая героиня в начале и в конце стихотворения обращается к своему возлюбленному с просьбой сохранить ее письмо:

«Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти <...>
Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи» [Ахматова 2001: 68]

Героиня просит своего возлюбленного сохранить ее письмо на дне котомки. Данное выражение является метафорой и трактуется как глубина душа, в которой хранятся сокровенные воспоминания.

Так в стихотворении «Смеркается, и в небе темно-синем...» катализатором радостей бытия выступает именно память.

«И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете - припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.» [Ахматова 2001: 142]

Стихотворение помечено 1914-1916 годами. В то время Ахматовой не было и тридцати лет. Легким утешительным грузом представлялось то, что будет сохранено в памяти. Хотелось, чтоб память была лишь хранительницей

безоблачного, отрадного, что можно почерпнуть из бытия. Память - верный спутник, «ангел-хранитель» существования.

Основой, скрепляющей мироздание, в поэзии Ахматовой 1920-х годов также становится память, она тесно связана с проблемой личного и исторического времени. После первой мировой войны и революций 1917 года Ахматова уже осознавала, что стала свидетельницей гибели мира. После смерти А. Блока и расстрела Н. Гумилева ясным становится и то, что прошел первый этап жизненного пути, и теперь наступает второй, более тяжелый и более трагедийный. Поэт должен помнить все – в этом и заключается его казнь. Памяти казненного Н. Гумилева посвящено стихотворение «Заплаканная осень, как вдова...» (1921).

В поздней лирике Ахматовой мотив памяти становится той семантической основой, которая скрепляет и разрозненные эпизоды одной человеческой судьбы, и эпизоды судьбы народа, которая воссоединяет распавшуюся связь времен, то есть служит цели «собирания» мира воедино.

Но память не только хранительница. Она открывает вещи по-новому, переоценивает. Память – это и мудрая сестра жизни, делящая ее ношу:

«Как белый камень в глубине колодца,

Лежит во мне одно воспоминанье.

Я не могу и не хочу бороться:

Оно - веселье и оно - страданье.» [Ахматова 2001: 390]

И поэт дорожит этой двойственностью. В отдалении времени печаль очищается, и хочется ее сохранить: «Чтоб вечно жили дивные печали, ты превращен в мое воспоминанье».

Память становится утешительницей всех скорбящих и своего рода законом сохранения явлений, но только явлений пережитых, прошедших сквозь чувство:

«Как будто все, с чем я внутри себя

Всю жизнь боролась, получило жизнь

Отдельную и воплотилось в эти

Слепые стены, в этот черный сад...» [Ахматова 2001: 326]

Е. С. Добин назвал ахматовскую категорию памяти «аналогом народно-сказочной «живой воды» [Добин 1968: 201]. Это дар возвращения жизни явлениям, событиям, чувствам, отошедшим в прошлое.

Память осмыслена Ахматовой как некая обобщающая образная категория. Это - непрерывная жизнь души. Ее можно назвать стихийно творящей стороной духа, ежеминутно оживляющей прошедшее. Но помимо этого у памяти есть и вторая сторона - драматическая. Груз памяти включает в себя полноту душевных сил и прелесть милой жизни. По мысли Ахматовой, память разнолика и довольно часто следы прошлого остаются, как рубцы от ран.

В поэтическом мире Анны Ахматовой нередко переплетаются высокие, торжественные образы с простыми и обыденными. Наиболее показательным в этом отношении стихотворение «Есть три эпохи у воспоминаний ...» (1945). В первой его части воспоминания предстают как храм, под высоким сводом которого находится лирическая героиня:

«Есть три эпохи у воспоминаний.

И первая — как бы вчерашний день.

Душа под сводом их благословенным,

И тело в их блаженствует тени.

Еще не замер смех, струятся слезы,

Пятно чернил не стерто со стола —

И, как печать на сердце, поцелуй,

Единственный, прощальный, незабвенный...» [Ахматова 2001: 420]

В один образный ряд встают смех, слёзы, пятно чернил на столе и поцелуй – печать на сердце.

Для Ахматовой здесь память - зеркало бытия, освещает трагедийную сторону необратимого течения жизни, но при этом потери усиливают ощущение ценностей пережитого, ценностей бессмертных.

Таким образом, память в поэтическом восприятии Ахматовой

становится сквозной нитью бытия. В ней проецируются бесконечные связи со временем и окружением. Непрерывной линией соединяются ступени восхождения и нисхождения человека. Фиксируется добытое и утерянное, достигнутое и исчезнувшее. Е. С. Добин отмечает, что «ахматовская память - не лента кадров, на которых просто запечатлены куски прошлого. Это синтетическая деятельность души, анализирующая, сопоставляющая, оценивающая, которая в равной мере она находится в сфере чувств и в сфере мыслей. Память - аккумулятор опыта и переживаний» [Добин 1968: 189].

1.4 Мотив смерти и бессмертия в поэзии Ахматовой

Отношение к смерти, бессмертию души человека — показатель состояния духа народа и каждого отдельного человека, показатель нравственности, жажды жить и творить. Художественное осмысление явлений «смерть» и «бессмертие» — это одна из самых важных тем русской литературы. В своих произведениях А.А. Ахматова поднимает вопрос о глубокой осмысленной вере в бессмертие души, надежде и уповании на милость Божию кающимся грешникам и блаженную жизнь за гробом. В то же время в стихотворениях звучит и деятельная любовь к земной жизни, с одной стороны, и устремленность к любви вечной, свету небесному — с другой.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение ранней лирики Ахматовой, где еще не столь явно, но отчетливо появляются размышления о человеческом бытии, тленности и скоротечности жизни.

В статье «Телесный код в поэзии акмеизма» Л.Г. Кихней замечает, что в первых сборниках А.А. Ахматовой тело лирической героини «как бы "предчувствует" смерть» [Кихней 2014: 107]. Лирическая героиня часто обращает внимание на детали, невольно напоминающие о конечности жизни.

Примечательна в этом смысле и первая часть цикла «Обман» (сб. «Вечер», 1910):

«Дорогу вижу до ворот, и тумбы

Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.» [Ахматова 2001: 34]

Весеннее утро пьянит яркой синевой неба, запахом роз. В поле зрения лирической героини попадают тумбы, которые «белеют чётко в изумрудном дёрне» [Ахматова 2001: 34], и летящая ворона «И в глубине аллеи арка склепа» [Ахматова 2001: 34]. Лирическая героиня одухотворена, полна вдохновения, она любит эту жизнь.

В.В. Корона, сопоставляя первое и последнее стихотворения цикла «Обман», отмечает их контрастность: «"Здесь" и Она, и Огонь (весеннее солнце), и Цветы (розы, ощутимые по запаху), и Любовь. Можно сказать, что лирическая героиня находится в райском саду. <...> Исходная ситуация должна повториться, но уже в "жёлтом свете" зажжённых свечей, что превращает встречу в разлуку» [Корона 1999: 127]. Выделенные нами детали свидетельствуют о том, что трагическая тональность даёт о себе знать уже в начале цикла. Можно заметить, что картина «райского сада» прописана чересчур отчётливо: слишком яркие небо и трава, пестреющие клумбы. Острые контуры: дорога до ворот, тумбы, силуэт птицы. Сложное цветовое сочетание: синий, белый, изумрудный, чёрный. Всё это отражает напряжённость эмоций героини.

На первый взгляд может показаться, что в миниатюре нет рассуждений о непостоянстве чувств и бренности бытия. Однако произведение заканчивается пугающими строками: «И резкий крик вороны в небе черной, И в глубине аллеи арка склепа». Поэтесса показывает, насколько тонка грань между жизнью и смертью. Что даже в час безграничного счастья и любви не стоит забывать о конечности человеческого существования.

Следует отметить и стихотворение «Я научилась просто, мудро жить...», как одно из наиболее ярких примеров христианской кротости и

смирения перед всеми невзгодами жизни:

«Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу...» [Ахматова 2001: 256]

В нем с особой силой ощущается влияние А.С. Пушкина. Чувствование мира Ахматовой столь же гуманистично и близко природе, как и у великого русского поэта. Естественность и красота того, что происходит вокруг, является своеобразным мерилем духовного потенциала человека. Понимание и принятие законов природы в качестве высшего арбитра в оценке значения человеческой жизни основной постулат Пушкина. У Ахматовой мы видим сходные по общему ощущению строки.

Это стихотворение написано в 1912 году, когда Ахматова была уже замужем, и ее воспринимали только как супругу уже известного Гумилева. Оно рассказывает о духовном становлении поэтессы. Можно сказать, что самым важным для Ахматовой становится ее поэтический талант, которому она и решила посвятить всю свою жизнь. Лирическая героиня преодолевает ненужные больше тревоги и мудро воспринимает окружающее. Жизнь представляется ей медленным равномерным течением. Она полностью погружена в себя, но это не мешает ей подмечать мельчайшие детали, которые создают умиротворяющую атмосферу: мурлыканье «пушистого кота», «огонь на башенке озерной», «лопухи» и «гроздь рябины». Именно прием описания внутреннего мира героя через окружающую природу помогает читателю лучше понять мировосприятие героини, отражают «мудрое» женское начало и светлый, ясный ум. А символы осени – светлую печаль и меланхолию, как осознание быстротечности бытия.

Тема смерти отчетливо звучит в цикле "Черный сон", который входит в книгу "Anno Domini". Название цикла можно трактовать как метафору судьбы героини - пребывающей на границе жизни и смерти. «Черный сон» – это образ, который заключается в жажде смерти как единственного выхода из

тупиковой ситуации. Мы видим, как лирическая героиня в период глубокого отчаяния преодолевает «черные» мысли. Ночные видения и реальность в цикле соприкасаются, становятся продолжением друг друга:

«Люби меня, припоминай и плачь!

Все плачущие не равны ль пред Богом?

Прощай, прощай! меня ведет палач

По голубым предутренним дорогам.» (1913 г.) [Ахматова 2001: 82]

Лирическая героиня неосознанно предчувствует свою будущую судьбу, полную неизбывной боли, ощущения вины. Последние строки передают напряженность душевного состояния героини. Это не что иное, как метафора ее жизни, где она между адом и раем. В этих произведениях метафорически обозначена невозможность бегства от самой себя. Ведь финал пути увенчан обручением с палачом- образом смерти.

Новая грань смыслов проявляется в стихотворении «Цветов и неживых вещей...» (сб. «Чётки», 1913). Мотив смерти скрывается в обыденной зарисовке:

«Цветов и неживых вещей

Приятен запах в этом доме.

У грядок груды овощей

Лежат, пестры, на черноземе...» [Ахматова 2001: 214]

Слова «груды», «лежат» позволяют провести параллель с совершенно иными картинами. Сравним с отрывками из произведений любимого А.А. Ахматовой А.С. Пушкина: «За грудями кровавых тел поэта Бойцы сомкнули томны очи...» («Руслан и Людмила»); «Бросая груды тел на груды, / Шары чугунные повсюду меж ними прыгают, разят...» («Полтава»). Поэтесса подчёркивает состояние неподвижности: «Цветов и неживых вещей / Приятен запах в этом доме». И.П. Смирнов замечает: «Дом, казалось бы, положительная значимость, как и всё то, что сопряжено с ним, сад, утварь, огород. Однако абсолютная ценность дома то и дело ставится под сомнение. Тишина, покой, уют временные явления: стены жилища не способны

изолировать героиню от внешнего мира: это непостоянное убежище. Отсюда сочетание мотивов дома и нарушения покоя. Тишина даётся как "предгрозовая" [Смирнов 1971: 283].

Все чаще философский мотив смерти и бессмертия появляется в стихотворениях последних лет. Однако следует заметить, что конец жизни в лирике Ахматовой- это начало нового пути бессмертной души: «Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце». Все чаще появляется "берег счастливый", место осуществления всех желаний:

«Смерть»

«И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей.
А этот первый - этот самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.» [Ахматова 2001: 341]
Январь 1944. Ташкент

Наиболее точно определил отношение Ахматовой к смерти В.Н. Топоров: «Верность жизни для религиозного сознания предполагает верность Судьбе, конкретнее – верность своему месту не потому что оно досталось тебе в силу случайностей наследственной цепи и ты стоял на этом месте раньше, но потому, что оно свое, а «свое» оно потому, что здесь и только здесь твоя жизнь может «невозмущенно», органически соединиться со своей Судьбой, реализовать ее со всей ответственностью, выполнив тем самым свой высший долг (...), тот драматический выбор, который свидетельствует о напряженнейшей духовной коллизии максимальной интенсивности (последний выбор перед лицом смерти, сделанный на том же неизменном

пространстве-месте своей жизни), подлинной высшей свободе в условиях предельной несвободы» [Топоров 2003: 283].

А.Ахматова в своих произведениях переосмысливает отношение к жизни. Поэтесса приходит к мысли, что смерти на самом деле не существует, доказывая, что вместо пустоты человека ждет нечто новое, а именно бессмертие.

Выводы по 1 главе

Анна Андреевна Ахматова является художником поистине философского склада, так как именно бытийные вопросы составляют идейно-содержательное ядро всей её поэзии.

Родина для поэтессы— это не «страна проживания», но прежде всего особое место на земле, с которым срослось все существо мастера, его радости и горести, желания сердца и душевная боль. В произведениях А. Ахматова отразила и любовь к родному дому, и отношение к революции, эмиграции поэтов соотечественников, и чувство сильнейшего патриотизма в период Великой Отечественной Войны и в завершении глубокую признательность Родине в стихотворении 1961г. «Родная земля».

В одном из своих стихотворений Ахматова назвала любовь «пятым временем года». Из этого-то необычного, пятого, времени увидены ею остальные четыре, обычные. В состоянии любви мир видится заново. Обострены и напряжены все чувства. И открывается необычность обычного. Человек начинает воспринимать мир с совершенно другой точки зрения. Любовь- это не просто чувство, это дар Божий. Мир открывается в дополнительной реальности: «Ведь звезды были крупнее, Ведь пахли иначе травы». Личное восходит к общему, сливаясь с ним: здесь к всечеловеческой притче и от нее — выше, выше — к небу.

По А.А. Ахматовой, память, как и жизнь: она может быть чудесной и жестокой. Без памяти невозможна жизнь и без памяти невообразимо ужасна смерть. Тема памяти для автора является кладезем впечатлений,

эмоциональных состояний, событий, служащих стимулом и источником творческого вдохновения. В лирике А. А. Ахматовой память о событиях прошлого окрашена эмоционально, обусловлена нравственно-философским восприятием поэтессы. В ее стихотворениях актуализируется связь образа памяти с душой, особой ролью памяти в жизни человека. Такое значение памяти подчеркивает и Д. С. Лихачёв, определяя память как «важнейший творческий процесс», который «противостоит уничтожающей силе времени. <...> Память – преодоление времени, преодоление смерти» [Лихачёв 1993: 3].

Стихи самой Ахматовой, подобно многим произведениям Достоевского, являют свод пятых актов трагедий. Какой бы темы ни касалась поэтесса, какую бы форму не использовала в создании своих поэтических образов, на всем лежит отпечаток глубоких авторских размышлений о жизни и смерти, памяти и ее роли в человеческом существовании, значении и сущности любви в нашей жизни. Поэту было свойственно, таким образом, тяготение к глубокому действенному познанию человеческой сути и мироздания. Поэт все время стремится занять позицию, которая бы позволяла предельно раскрыть чувство, до конца обострить коллизию, найти последние ответы на вечные вопросы бытия.

ГЛАВА 2. БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. АХМАТОВОЙ

2.1 Религиозные символы в дореволюционной лирике А.Ахматовой

Важную роль в мировоззрении поэтессы играла библейская тематика. Как отмечает М.С. Руденко, религиозность Ахматовой была поэтизирующей, преображающей мир. Ее дореволюционная лирика наполнена красотой чувства, святости, церковного благолепия. В статье «Преодолевшие символизм» В. М. Жирмунский пишет о сдержанном целомудрии творчества Ахматовой, что она, рассказывая о внешней обстановке душевного явления и событиях внешней жизни, раскрывает то особенное душевное содержание [Жирмунский 1973: 180]. Действительно, Ахматова редко говорит о предметах веры напрямую, в ее лирике почти нет чисто религиозных стихотворений. Как отмечает К. И. Чуковский, церковные имена и предметы для поэтессы никогда не служили главными темами, она лишь мимоходом упоминает о них, но они так пропитали ее духовную жизнь, что при их использовании Ахматова лирически выражает самые разнообразные чувства [Чуковский 1988: 181].

Выход в свет сборников «Вечер» и «Четки» ознаменовал первый этап творческого пути поэтессы. Хотя в ранних сборниках и превалирует любовная лирика, однако уже здесь присутствует религиозная символика.

Уже само символическое название сборника «Четки», по мнению С. И. Кормилова, говорит о успокоительном механическом движении пальцев, где все бытовые проблемы, напряженность действительности для Ахматовой – лишь проходящие явления. [Кормилов 1998: 32]. Четки – это напоминание о конечности и статичности внешней стороны жизни. Перебирая бусины четок, поэт как бы сверху, с внешним нарочитым безразличием, смотрит на бренное бытие человека, внутренне готовя свою душу к встрече с Господом.

Так, стихотворение „Я так молилась: „Утоли...“ (1913) тесно связано с пониманием поэта как „Божьего раба“ и поэзии как благословенного труда,

включающего смиренное понимание своей человеческой немощи, избранничество, жертвенность, и то „послушание“, благую подневольность, что основывается на полном доверии Творцу:

«Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.
Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы,...» [Ахматова 2001: 358]

В Ветхом завете мы встречаем подробное изложение учения о видах жертв, способе, характере и цели их принесения. Упоминается там и мотив небесного огня, попадающего жертву праведного, и признаки Божьего „отношения“ к приносящему жертву. Стелющийся по земле дым — знак того, что жертва не принята Богом; так, например, в повествовании о жертвах Авеля и Каина. Вспоминая евангельские исцеления немых и слепых, героиня просит у Бога милости:

«—Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?» [Ахматова 2001: 358]

Физическая немощь в Евангелии часто означает знак немощи духовной. Так слепота, сомкнувшая ресницы- символ помрачения души грехом или неверием, что мы видим в Евангелии от Матфея об исцелении слепых: „Веруете ли, что Я могу это сделать?“ — ... "ей, Господи!" — ... — И открылись глаза их" (Мф. 9, 28-29).

Написание первых двух книг пришлось на такой период жизни Ахматовой, когда она была включена в события окружающей действительности, находясь наравне с произведениями в одном

пространственном измерении. В сборнике же «Белая стая» поэтесса как будто вырывается из-под властных оков земных переживаний, поднимаясь над действительностью, и подобно птице, пытается охватить своим взглядом огромное пространство и большую часть истории своей страны. Характерной отличительной чертой лирического сознания поэта в данном сборнике становится многоголосье, полифония. Поиски Ахматовой практически всегда носили религиозный характер.

Сложная символика ранней поэмы Ахматовой „У самого моря“ (1914), вошедшей в книгу «Белая стая», связана, хотя и неявно, с евангельскими событиями, воспоминанию которых посвящены Страстная и Светлая Седмицы. Так, сюжетная линия „мертвого жениха“ имеет, помимо культурно-исторического, символического, мифологического и прочих аспектов, определенную аналогию в Страстной и Светлой седмицах. В таком случае „жених“ — „Царевич“- это Сын Царя Царствующих и Бога Господствующих, сам Иисус Христос, а ожидающая его появления девушка, это «мудрая дева» из притчи, „Христова Невеста“, отвергшая, как и святая великомученица Екатерина, земного жениха ради того, кто возьмет ее в Царство Небесное. Тогда строки:

«...Слышала я - над царевичем пели:

«Христос воскрес из мертвых», -

И несказанным светом сияла

Круглая церковь.» [Ахматова 2001: 331]

Можно интерпретировать не только как описание отпевания по пасхальному чину, но и как возглашаемый над Плащаницей, тема которой звучит в поэме очень отчетливо, тропарь (глас 5): „Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав“, что следует сразу за стихирой (глас 5) „Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех...“, открывающей Пасхальную заутреню.

Итак, можно заметить, что одной из важнейших библейских черт в дореволюционной лирике А. Ахматовой является отсутствие подробного

сюжетного описания событий. Пейзаж создается при помощи отдельных пунктирно намеченных деталей, призванных воссоздать цельный образ мира. Драматическая коллизия рассматривается Ахматовой, прежде всего, с точки зрения психологии. Поэтому реалии окружающего мира имеют непосредственное отношение к раскрываемым религиозным и христианским мотивам. Это проявляется в соединении острых бытовых проблем современности и высокого библейского образа, в использовании предметов художественного слога: точной предметной детали, символической роли словесной живописи, средствах ритмической и звуковой изобразительности (анафоры, звуковые повторы).

2.2 Образы Вечной Книги в мини-цикле «Библейские стихи»

Обращение к Библии – естественный и неоспоримый факт творческой биографии Ахматовой. Наиболее показателен, на наш взгляд, в этом отношении мини цикл «Библейские стихи», где мастерски поэтом используются библейские мотивы для выражения своих личных чувств.

В цикл стихотворений «Библейские стихи» вошли всего три произведения, написанные в период с 1921 по 1961 года, т.е. произведения, над которыми Ахматова работала на протяжении почти всей своей творческой жизни. Она выбирает отдельные библейские сцены, через которые её лирическая героиня может раскрыться наиболее полно. Рахиль, Мелхола, жена Лота – это очень сильные женщины, страстные натуры. Подобное мироощущение – отстаивание права просто жить, любить, плакать и молиться, грешить, каяться и снова полноценно и ярко жить, что очень близко лирической героине. Библия оставляет человеку право на "любовь, что сильнее смерти", даже к падшему и погибающему в грехах.

Все три стихотворения, составляющие цикл, начинаются с союза «и», представляя собой будто выхваченные из общего ряда моменты, на которых автор останавливает своё внимание. По мнению Г. П. Козубовской и Е. В. Малышевой, цикл «Библейские стихи» представляет собой интерпретацию

некоторых библейских сюжетов при максимальном сохранении ощущения первоисточника на стилевом уровне. Также исследователи подчеркивают, что Ахматова выбирает такие эпизоды, в которых главными действующими лицами оказываются женщины, хотя в Библии даже главы названы преимущественно по именам мужчин. Сосредоточив внимание на женской душе, поэтесса пытается понять человека другой древней культуры, в то же время подчеркивая сходство женских судеб, независимо от их принадлежности к эпохе, времени, нации, культуре [Козубовская 1998: 63-64].

Первое стихотворение цикла – «Рахиль» – наполнено переживаниями живой женщины, современницы Ахматовой, в силу обстоятельств потерявшей возлюбленного. Перенесение этого сюжета в ветхозаветные времена воспринимается особенно остро. Велико эмоциональное напряжение героини. Однако следуя библейским традициям, Ахматова прямо не говорит обо всех психологических тонкостях чувств девушки. О главной героине ахматовского стихотворения сказано лишь то, что она носила «пушистые косы». При описании первого впечатления, произведенном ею на Иакова, Ахматова не упоминает о внешних эмоциональных проявлениях чувства, охватившего героя. Поэтесса обращает внимание на состояние его души во время и после встречи: «Не стало в груди его сердце грустить». Мы видим в чувствах героини внутреннюю драму, перед читателем разворачивается душевная драма оскорбленной женщины, которая и является центральным «событием» стихотворения Ахматовой. Однако наиболее величественно, хотя и опосредованно, красота Рахиль воспевается в следующих строках:

«...Рахиль! Для того, кто во власти твоей,

Семь лет — словно семь ослепительных дней...» [Ахматова 2001: 362]

Ахматова намеренно усиливает это сравнение нехарактерно ярким и звучным для библейского текста эпитетом «ослепительные». Тем самым в стихотворении создается некий обобщенный образ величественной, ослепительной красоты, которая лишает человека воли, способен довести до

безумия и достоин любых жертв, принесенных на ее алтарь. Поэтесса рисует данный образ с помощью внешних проявлений: пейзажных зарисовок, описаний действий Рахили, её отчаянных призывов. Любовная страсть для героини неожиданно обернулась нестерпимой мукой и болью. Это настоящее потрясение для неё.

Как отмечает О.А. Троцык, в стихотворении Анны Ахматовой «Рахиль» сохранены библейские изображения прозрачного источника с чистой водою – символ новозаветного Пастыря (Слова), и овец, пьющих из источника – внемяющую Богу-Слову паству, и камень, которым завален источник – символ ветхозаветного закона: «Имеющий уши, да услышит».

Сравнивая ахматовский текст с Библией, можно увидеть, что поэтесса заимствует драматические завязки сюжетов, но наполняет их деталями, совершенно отсутствующими в Библии:

«...Но стало в груди его сердце грустить,
Болезнь, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана...» [Ахматова 2001: 362]

В стихотворении «Рахиль» говорится о «сердечной грусти» Иакова, что выражается в отождествлении его сердца с «открытой раной», между тем как в книге Бытия употребляется более нейтральное выражение: «Иаков полюбил Рахиль».

Второе стихотворение цикла – «Лотова жена». Ахматова останавливается на моменте ухода семейства из Содома. Образ Лота, достойного праведника, написан с особой торжественностью и выразительностью: «И праведник шел за посланником Бога, / Огромный и светлый, по черной горе». Ахматова по-своему интерпретирует библейскую сцену исхода семейства Лота из грешного города Содома. Согласно первоисточнику, уходя из него, нельзя было оборачиваться назад, но жена Лота не справилась с искушением и обернулась, за что и была наказана. Эпиграфом к стихотворению послужило последнее предложение из

библейской притчи Ветхого Завета: «жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом». В Премудростях Соломона соляной столп (греч. στήλη ἁλός) при Мёртвом море характеризуется как грозный памятник Божьего гнева.

Можем предположить, что Анна Ахматова трактует ветхозаветное предание по-своему, с позиции современности. В.И. Казан утверждает: «Религиозные начала утрачивают в ее стихотворении первостепенную значимость, и на первый план выдвигаются нравственно-психологические основания событий» [Казан 1992: 136]. Оригинальность осмысления библейской легенды обусловила и специфический финал произведения, где единственный раз на протяжении всего цикла дается резюме и открыто выражается авторская позиция:

«...Кто женщину эту оплакивать будет?

Не меньшей ли мнится она из утрат?

Лишь сердце мое никогда не забудет

Отдавшую жизнь за единственный взгляд».

[Ахматова 2001: 364]

В контексте всего стихотворения характер Лотовой жены предстает цельным и последовательным. Поступок ее, в отличие от библейской трактовки, воспринимается не как проступок, заслуживающий столь сурового наказания, а скорее, как достоинство, подтвердившее ее способность к сильным человеческим чувствам, как проявление постоянства и верности.

Ахматова не дает имя героине этого стихотворения, потому что она – наивысшее проявление женской сущности, это просто женщина, для которой высшими жизненными ценностями являются любовь, преданность и терпение. Ведь только самое преданное сердце способно сопоставить такие величины, как целая жизнь и единственный взгляд, выбрать последнее и не пожалеть об этом: «Лишь сердце мое никогда не забудет / Отдавшую жизнь за единственный взгляд».

Стихотворение «Мелхола» написано позже остальных и завершает цикл. Оно сразу же поражает обилием деталей быта, интерьера, пространной экспозицией:

«Но Давида полюбила...
дочь Саула, Мелхола. Саул думал:
отдам ее за него, и она будет
ему сетью.

Первая книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И властно победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство»...» [Ахматова 2001: 365]

Начало стихотворения представляет собой как бы ахматовское толкование двух библейских строк, вынесенных в эпиграф. Героиня показана, как всегда у Ахматовой, в самый напряженный момент жизни. Внешне Мелхола очень красива, грациозна, изящна, но ее красота контрастирует с состоянием глубокого душевного смятения. Саул хочет отдать ее в жены юному пастуху Давиду. Отцовское решение Мелхола принимает с двойственным чувством: с одной стороны, ее не устраивает неравный брак с бедным Давидом; с другой, он ей сильно желанен. Героиня рассматривает свою любовь к Давиду как «бесстыдство» и «унижение». Борьба любви с уязвленным самолюбием — так можно было бы определить художественный конфликт этого произведения.

Мелхола чувствует, что влечение плоти помрачает ее «дух», лишает ее воли. Поэтическими средствами создаются в произведении психологически достоверные, запоминающиеся образы. Особенно это характерно для

портрета героини. Поэтесса обращает наше внимание не на черты ее лица, а на то, как внутреннее состояние героини отражается на ее внешности. Портретная деталь здесь — «зеленые глаза». Однако Ахматову интересует не необычность их цвета, а переполняющее их взгляд «исступление». В этом стихотворении Анна Ахматова делает акцент не на духовную любовь, а на страсть. В понимании Ахматовой слово любовь здесь не имеет смысла. Героиню раздирают противоречивые чувства: гордыня, стыд, страх, гнев на Давида и в то же время бесконечная любовь к нему соединяются в тугой клубок сердечных переживаний:

«...Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачится дух.
Бесстыдство мое! Унижение мое!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него непохож?...» [Ахматова 2001: 366]

В речи Мелхолы короткие взволнованные реплики прерываются паузами, вызванными сильным потрясением и риторически и ритмически выделенными за счет тройного анафорического и синтаксического повтора и внутренней рифмы:

«...А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь.» [Ахматова 2001: 366]

Таким образом, в «Библейском цикле» А. Ахматова с помощью ветхозаветных образов показала всю силу всепоглощающей любви, которая соотносима с понятием жертвенности (Рахиль), верности (Лотова жена) и выбора (Мелхола).

2.3 Евангельские символы в поэме «Реквием»

Исследователи поэзии А.А. Ахматовой отмечают, что образы и мотивы Ветхого и Нового Завета становятся для Ахматовой средством осмысления

действительности, отражающейся в послереволюционной лирике, а картины Апокалипсиса — символом ее эпохи. Как вспоминает сама поэтесса: „В 1936-м я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы такого Пегаса, который чем-то напоминает апокалипсического Бледного коня или Черного коня из тогда еще нерожденных стихов...“ [Хейт 1991: 243].

Художественное воплощение трагической эпохи тридцатых годов наиболее ярко отразилось в одном из самых известных произведений Ахматовой – поэме «Реквием», написанной в 1935-1940 годах.

Важную роль играет название поэмы. Жанр реквиема по своей природе — музыкальный жанр, который задает одновременно и ту специфическую систему координат, в которой только и возможно осмыслить созданный поэтом художественный образ мира. Вспомним, что реквием (от первого слова латинского текста «*Requiem aeternam dona eis, Domine*» — «Покой вечный дай им, Господи») — траурная заупокойная месса, посвященная памяти усопших; более общий смысл этого слова — поминовение умерших, поминальная молитва.

Само назначение и содержание реквиема обуславливает его скорбно-трагический характер. Эпическая широта поэмы «Реквием» позволяет находить читателю не только глубочайший трагизм личного существования поэта, но и общенациональную скорбь, связанную с художественным осмыслением истории. Опубликованный лишь спустя полвека - в 1987 году, «Реквием» отражает личную трагедию Анны Ахматовой - судьбу ее сына Льва Николаевича Гумилева.

Читая произведение, создается впечатление, что оно как будто звучит из уст всех матерей, жен, дочерей, которые провожали своих близких людей на смерть, не в силах что-либо изменить. В советской действительности бесконечные очереди у тюрем стали единственным заупокойным ритуалом, позволенным заключенным, их безмолвно выстаивали женщины в надежде хотя бы проститься с дорогими, но обреченными членами семьи. Таким

образом, пространство произведения постепенно расширяется от личного к историческому контексту.

С этой точки зрения в высшей степени символичным представляется сделанное однажды Ахматовой признание: „Реквием“ — четырнадцать молитв" [Кушнер 1992: 134]. Действительно, поэма имеет сложную структуру. Она включает в себя части: Эпиграф, Вместо предисловия, Посвящение, Вступление, 10 глав (три из которых имеют название: VII – Приговор, VIII – К смерти, X – Распятие) и Эпилог (состоящий из трех частей). Метафорический смысл авторской „оценки поздней“ очевиден, переключки и совпадения ахматовского текста с Библией заставляют читателя задуматься о духовной составляющей человеческой жизни. Весь „Реквием“ буквально пронизан библейской образностью. И реконструировать, „оживить“ цепочку, ведущую к древнейшим пратекстам нашей культуры, расшифровать „библейскую тайнопись“ поэмы — очень важно [Тименчик 1995: 201].

На истинный масштаб событий, о которых пойдет речь в поэме, указывают первые строки „Посвящения“: "Перед этим горем гнутся горы, / Не течет великая река... " [Ахматова 1998].

Это образ мира на пороге Апокалипсиса, где исказились все привычные и устойчивые параметры. Строки вводят произведение в пространство библейского текста, заставляют вспомнить картины гибели всего мира: „Горы сдвинутся и холмы поколеблются...“ (Ис. 54, 10); „И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...“ (Отк. 6,14)

Здесь возникает первый повторяющийся сквозной образ, а именно образ реки. Следует отметить, что в поэме появляются такие реки, как Дон, Енисей, и „великая река“ Нева, образ которой обрамляет поэму, заключает ее в кольцо.

За образом Невы в "Реквиеме" угадывается библейский образ "реки

Вавилонской", на берегу которой сидит и плачет разоренный народ, вспоминая о своем прошлом. Так же пронзительно и трагично звучит и главная тема 136 псалма "При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши - веселья..." (Пс. 136, 1-3)

Исследователи творчества А.А. Ахматовой неоднократно задавались вопросом, откуда и с какой целью появились в поэме «Реквием» Енисей и южнорусская река Дон. Знаковая природа этих образов не вызывает сомнений. Изображение Дона и Енисея отсылает к нескольким источникам, культурным контекстам. Механизм формирования образа Дона обнажает контаминация в поэме образов Блока и Гумилева. Отсылая к образам Гумилева, Блока, Мандельштама, Пушкина, Ахматова актуализировала, в свою очередь, и семантические поля их поэзии, подключала их к своему тексту, заставляя работать в нем. Собственно, все они, эти культурные контексты, должны были выявить принципиальную для автора «Реквиема» мысль – ту самую, блоковскую, о болезни родины: «Я не первый воин, не последний...»

Образ Енисея открыто отсылает к судьбе Мандельштама, позволяет осмыслить ее в семантическом пространстве всей поэмы как знаковую. Переключка образного ряда двух поэтических фрагментов, осознанная ориентация Ахматовой на общую интонацию прецедентного текста – все это служит способом шифровки содержания знаменитого стихотворения о «веке-волкодаве», заставляя его «работать» в семантическом пространстве поэмы.

Можно сказать, что образе реки в поэме — это символ, обозначающий мировой поток, течение жизни, обновление и одновременно — необратимое течение времени, которое предполагает забвение.

Образ звезды является в поэме главным символом наступающего апокалиптического мира, который художественно выстраивает Ахматова. Огромная, яркая и застывшая, она напрямую соотнесена Ахматовой со

смертью, жестко вписана в картину вселенской катастрофы. Под звездой в Апокалипсисе понимается Сатана, которого сбрасывают с Неба на землю. Если Ангелы в библейском тексте уподобляются звездам (Иов. 38, 7; Отк. 12, 4), то Сатана, будучи архангелом, — „деннице“, т. е. яркой звезде (Ис. 14, 12).

Именно во «Вступлении» появляется образ звезды, как зловещего символа смерти над Россией, который воспринимается Ахматовой как живое существо:

«...Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марусь...» [Ахматова 1998: 120]

Этот мифопоэтический мотив земли как живого тела, могущего страдать от физического насилия и боли, связывает воедино с ней и народ, живущий на этой земле. Упоминание звёзд изменяет пространство поэмы: от недр земли через народное страдание поднимается до неба:

«...И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда» [Ахматова 1998: 124]

Ахматовский образ падающей звезды восходит к Библии, его символика оказывается напрямую соотнесенной с библейским ее осмыслением. Она олицетворяет присутствие божества, а в Новом Завете - рождение Христа. Следовательно, мы вновь приходим к тому, что мотив страдания и смерти у Ахматовой теснейшим образом связан с мотивом жизни вечной. Причем переключки поэмы с Книгой Бытия порой достаточно выразительны: „...И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба...“ (Мф. 24, 29). Особенно часто возникает образ звезды в Апокалипсисе: „Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод“ (Отк. 8, 10). „Пятый Ангел вострубил, и я увидел

Звезду, падшую с неба на Землю, и дан ей был ключ от кладезя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце И воздух от дыма из кладезя Из дыма вышла саранча на Землю...“ (Отк. 9,1-3) Образ звезды возникнет в „Реквиеме“ и еще раз — в главке „К смерти“:

«Мне все равно теперь. Струится Енисей,

Звезда полярная сияет.

И синий блеск возлюбленных очей

Последний ужас затмевает...» [Ахматова 1998: 129]

Таким образом, задаются горизонталь и вертикаль художественного мира произведения, где мельчайшая деталь пропитана скорбью и горем, пропущенными через сердце поэта.

Третьим значимым образом, который проходит красной нитью на протяжении всей поэмы, является образ креста. Возвращаясь к главе «Вступление» именно образ креста и крестных мук сына становится кульминацией великой трагедии. Лирическая героиня, молодая женщина из богемной среды начала века, пытается «отступить» в прошлое, заслониться им от невыносимой жестокости настоящего, в то же время понимая, что ей уже не стать «насмешницей», «любимицей всех друзей», «царскосельской весёлой грешницей» и не выбраться из кошмара страдания:

«Семнадцать месяцев кричу,

Зову тебя домой.

Кидалась в ноги палачу,

Ты сын и ужас мой...» [Ахматова 1998: 130]

Начнем с символики креста, ведь даже тюрьма, у стен которой «трехсотая с передачею» стояла лирическая героиня, называется Кресты. Конечно, крест — это символ страдания, самопожертвования во имя любви к людям. Однако, следует отметить, что он олицетворяет не только страдание, но и знак вечной жизни, бессмертия, как космический символ, точка сообщения между Небом и Землей. В христианстве крест символизирует

спасение через жертву Христа, страдание, веру, искупление. Таким образом, этот символ, возникающий уже в самом начале поэмы, можно воспринять не только как трагический знак, но и как знак спасения, любви и искупления.

Итак, все три рассмотренных нами ключевых символических образа заставляют при чтении поэмы постоянно соотносить то, что происходит на земле с измерением Вечности. Выявляя их значения, мы можем еще раз убедиться в том, что эти образы тесно связаны и дополняют друг друга.

2.4 Образ Матери и мотив вечной жизни в финале поэмы «Реквием»

Материнство является главным компонентом художественной картины мира, а с образом Богини-матери генетически связывают христианский сюжет о Богородице, реализующийся во внутреннем отношении к ребенку, в его боготворении, но и в восприятии матери-заступницы за всех. Такой отклик о материнском сердце как желаемой защите своего «дитя» прозвучал в большей степени в поэзии XX в., в которой впервые женщина заговорила о своих чувствах, о том, что испытала и перенесла на своём жизненном пути.

М.Г. Павловец замечает, что у лирической героини «Реквиема» есть несколько ипостасей: простая баба, женщина из богемы начала века, женщина-мать, Богоматерь, женщина-поэт [Павловец 2001: 84]. Однако знаком абсолютной трагедии в поэме наделена именно Мать. Ахматова называла «Реквием» «панихидой по самой себе». И это еще подтверждает осознанно открытую идентификацию лирической героини с Божьей Матерью. Характерно, что только в одном Евангелии Мать Божия присутствует при Распятии: «При кресте Иисуса стояли Матерь его, и сестра Матери Его Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери своей: Жена! се, сын твой» (От Иоанна. 19; 25, 26). Так, и в поэме Ахматова в главе «Распятие» в известном евангельском сюжете выделяет фигуру не сына Божьего, а именно матери, чья боль настолько велика, что люди боятся взглянуть в ее сторону:

«Хор ангелов великий час восславил,

И небеса расплавились в огне.

Отцу сказал: "Почто Меня оставил!"

А матери: "О, не рыдай Мене..."

Магдалина билась и рыдала,

Ученик любимый каменел,

А туда, где молча Мать стояла,

Так никто взглянуть и не посмел» [Ахматова 1998: 135]

Священное Писание непосредственно входит в лирическое откровение.

Умирание всего живого вокруг («И небеса расплавились в огне») соотнесены с предельным страданием Матери. Библейская образность необходима Ахматовой для усиления хора мировой трагедии, для конкретизации возвышенности материнского «молчаливого» горя, для одухотворения невыносимых мук. Образы страдающих Руси и Матери придают лирическому повествованию в поэме философский, провидческий характер.

Но потаенное, не сразу считываемое совмещение Гефсимании и Распятия не только оправдывает произвол автора, подчинившей сакральный текст воле художника, его новой и жесткой расстановке сил, оно позволяет уже применительно к «Реквиему» говорить о «двойной» поэтической идентификации. Если лирическая героиня соотносима с Матерью Божией, то авторская личность - с Творцом. У Христа и Поэта был выбор, было «моление о чаше», была победа над Судьбой. Так, в борении Ахматовой-Матери и Ахматовой-Поэта (как мать она не имела права писать «Реквием», как поэт не могла не писать его) побеждает Поэт и его Слово. Ни у Богоматери, ни у России не было права выбора, не было собственного решения «взойти на костер», тем глубже и безысходнее трагедия: «А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел». [Ахматова 1998: 135].

Логика предшествующих рассуждений позволяет прийти к заключению, что с образом матери у Ахматовой связана идея любви и искупления. Все боли мира проходят, прежде всего, через сердце матери. Не

удивительно в связи с этим, что своеобразными двойниками лирической героини становятся и «стрелецкие женки», чьи мужья и сыновья были казнены за участие в восстании в XVII веке («буду я как кремлевские женки под московскими башнями выть»), и сама Богоматерь.

Вот почему лирическая героиня, чье горе, вызванное страданиями сына, было так велико, что жизнь казалась ей просто ненужной обузой, все же смогла в итоге пройти через пустыню смерти и пережить духовное воскрешение. Идея бессмертия, обновления, жизни вечной звучит и в финале поэмы «Реквием».

Мотив бессмертия в лирике многих поэтов выражен надеждой увековечить свое творчество. Это цель, которую хотелось бы достигнуть каждому творцу. Об этом рассуждал Г. Державин в стихотворении «Памятник», А. С. Пушкин в произведении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и большинство других писателей и поэтов во все времена. Тема памятника- символа бессмертия присутствует и в финале поэмы «Реквием». Добиться бессмертия творчества — это великое достижение, о котором мечтают творческие личности, и потому соглашаются оставить след после себя любой ценой, подвести итоги своих стараний.

В "Эпилоге" тема вечной памяти материализуется в метафоре "окаменелое страданье", который олицетворяет «строительство» памятника страданию героини, страданию ее современниц, памятника Поэту. Этот образ в финале поэмы включает произведение Ахматовой в традицию, связанную в русской поэзии с Пушкиным, которая воплощена в стихотворении "Я памятник себе воздвиг нерукотворный...". Ориентация на пушкинскую идею преодоления трагедии позволяет Ахматовой сохранить главное в традиции: "И если когда-нибудь в этой стране // Воздвигнуть задумают памятник мне...". Памятник, воздвигнутый при помощи Слова, - именно тот путь преодоления трагедии, который предлагает Ахматова в финале поэмы. Таким образом, в финале поэмы полностью исчерпывается реализация центральной метафоры, завершается важнейшая тема бессмертия в поэме.

Стоит отметить, что наиболее значимым из тех контекстов, которые впитал в себя мотив вечности - это образ камня и окаменения в "Реквиеме", с которым ассоциируется, безусловно, поэзия Мандельштама, особенно ярко проявленная в сборниках "Камень" и "Tristia".

Делая «окаменение» в "Реквиеме" одним из главных элементов, Ахматова тем самым не только вводила в семантическое поле поэмы образ Мандельштама, предлагая осознать его в качестве "вечного" образа культуры, она оживляла и актуализировала те значения образа камня, которые были особенно важны для этого поэта. Другими словами, именно мандельштамовский контекст подключает "Реквием" к традиции, восходящей, безусловно, к Вечной Книге Бытия, а именно к Нагорной проповеди Иисуса Христа: "Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое" (Мф. 7, 24-27). В статье "О центральных мифологемах раннего Мандельштама" Ф. П. Федоров отмечает, что культура есть основание человеческого дома, это евангельский камень, определяющий его прочность. И такая культура противостоит истории. По словам Е. Г. Эткинда, "память - духовное спасение гибнущего человечества... Память - спасение даже от чудовищного по бессмысленности и свирепости террора; ибо террор - форма варварства, память же - культура" [Эткинд 1997: 361].

Камень - это "основание человеческого дома", которое противопоставлено в тексте Евангелия воде - началу, этот дом разрушающему. Именно эта отчетливо проявившаяся в Нагорной проповеди Иисуса оппозиция и моделируется Ахматовой в финале поэмы.

Финал поэмы "Реквием" Ахматовой художественно воссоздает тот

самый библейский мотив перехода от смерти - к воскресению. Новаторство Ахматовой заключается в предпринятой попытке разрешить борьбу двух начал - стихии и культуры, смерти и жизни, осмыслить это противоборство как искупление, как достижение более высокого уровня духовности. Можно сказать, что это переход от смерти к воскресению [Бурдина 2003: 148].

Выводы по 2 главе

В поэзию А. А. Ахматовой органично вошло не только философское отношение к проблемам бытия, но и христианское мировоззрение, что нашло отражение как в образном и идеологическом строе ее поэзии, так и в жизненной позиции.

Отсутствие подробного сюжетного описания событий является одной из важнейших библейских черт в дореволюционной лирике А. Ахматовой. Реалии окружающего мира имеют непосредственное отношение к раскрываемым религиозным и христианским мотивам. Это проявляется в соединении острых бытовых проблем современности и высокого библейского образа, в использовании предметов художественного слога: точной предметной детали, символической роли словесной живописи, средствах ритмической и звуковой изобразительности (анафоры, звуковые повторы).

В цикле «Библейские стихи» А. Ахматова выбирает отдельные библейские сцены, через которые её лирическая героиня может раскрыться наиболее полно. Рахиль, Мелхола, жена Лота – это очень сильные женщины, страстные натуры. Подобное мироощущение – отстаивание права просто жить, любить, плакать и молиться, грешить, каяться и снова полноценно и ярко жить, что очень близко лирической героине. Библия оставляет человеку право на "любовь, что сильнее смерти", даже к падшему и погибающему в грехах.

Исследователи поэзии А.А. Ахматовой отмечают, что образы и мотивы

Ветхого и Нового Завета становятся для Ахматовой средством осмысления действительности, отражающейся в послереволюционной лирике, а картины Апокалипсиса в поэме «Реквием» — символом ее эпохи. Библейская образность необходима Ахматовой для усиления хора мировой трагедии: образ реки в поэме — это мировой поток, течение жизни, обновление и одновременно — необратимое течение времени, которое предполагает забвение; образ звезды является в поэме главным символом наступающего апокалиптического мира, который художественно выстраивает Ахматова. Огромная, яркая и застывшая, она напрямую соотнесена Ахматовой со смертью, жестко вписана в картину вселенской катастрофы; третьим значимым образом, который проходит красной нитью на протяжении всей поэмы, является образ креста. Возвращаясь к главе «Вступление» именно образ креста и крестных мук сына становится кульминацией великой трагедии; образы страдающих Руси и Матери придают лирическому повествованию в поэме философский, провидческий характер.

Стихотворения А. Ахматовой насыщены православной символикой и церковной атрибутикой: мы встречаем образы храмов, упоминания о православных праздниках и святых, создающие особый колорит, контекст духовности, также многочисленны реминисценции из Священного Писания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А.А. Ахматова, опираясь на свой жизненный и творческий опыт, переосмысляет вечные вопросы бытия: судьба, история, любовь и христиански понятое предназначение человека становятся в мире поэтессы страданием, трагедией и роком. Каждый большой художник, вне зависимости от глубины и серьезности веры всегда становится еретиком, ибо, беря на себя миссию Творца, он создает свой мир, мир человеческий, прекрасный и яростный, явленный с нечеловеческой (божественной) точностью, красотой и, как сказал Б. Пастернак: «и творчество, и чудотворство!».

Творчество Ахматовой принято делить всего на два периода – ранний (1910 – 1930-е гг.) и поздний (1940 – 1960-е). Непроходимой границы между ними нет, а водоразделом служит вынужденная «пауза»: после выхода в свет в 1922 г. ее сборника «Anno Domini MCMXXI» Ахматову не печатали вплоть до конца 30-х гг. Разница между «ранней» и «поздней» Ахматовой видна как на содержательном уровне (ранняя Ахматова – камерный поэт, поздняя испытывает все большее тяготение к общественно-исторической тематике), так и на стилистическом: для первого периода характерна предметность, слово не перестроенное метафорой, но резко преображенное контекстом. В поздних стихах Ахматовой господствуют переносные значения, слово в них становится подчеркнуто символическим. Но, разумеется, эти изменения не уничтожили цельности ее стиля.

Анна Андреевна Ахматова является художником поистине философского склада, так как именно бытийные вопросы составляют идейно-содержательное ядро всей её поэзии.

Родина для поэтессы — это особое место на земле, с которым срослось все существо мастера, его радости и горести, желания сердца и душевная боль. В произведениях А. Ахматова отразилась и любовь к родному дому, и отношение к революции, эмиграции поэтов соотечественников, и чувство

сильнейшего патриотизма в период Великой Отечественной Войны и в завершении глубокую признательность Родине в стихотворении 1961г. «Родная земля».

В одном из своих стихотворений Ахматова назвала любовь «пятым временем года». Из этого-то необычного, пятого, времени увидены ею остальные четыре, обычные. В состоянии любви мир видится заново. Человек начинает воспринимать мир с совершенно другой точки зрения. Любовь- это не просто чувство, это дар Божий.

По А.А. Ахматовой, память, как и жизнь: она может быть чудесной и жестокой. Без памяти невозможна жизнь и без памяти невообразимо ужасна смерть. Тема памяти для автора является кладезем впечатлений, эмоциональных состояний, событий, служащих стимулом и источником творческого вдохновения. В лирике А. А. Ахматовой память о событиях прошлого окрашена эмоционально, обусловлена нравственно-философским восприятием поэтессы. В ее стихотворениях актуализируется связь образа памяти с душой, особой ролью памяти в жизни человека. Такое значение памяти подчеркивает и Д. С. Лихачёв, определяя память как «важнейший творческий процесс», который «противостоит уничтожающей силе времени. <...> Память – преодоление времени, преодоление смерти» [Лихачёв 1993: 4].

Поэтессе, особенно в ранний период творчества, весьма близок именно библейский взгляд на мир, когда все, что не грех, благословенно. Точно переданы Ахматовой в цикле "Библейские стихи" цветение и разнообразие истинных христианских чувств. Все три стихотворения: "Рахиль", "Лотова жена", "Мелхола" учитывали художественный опыт Вечной Книги: суровую сдержанность чувств, лаконизм, значимость поэтической детали. Небольшие по объёму, ахматовские творения глубоки внутренним содержанием. Глубокий психологизм и драматическая напряжённость превращают многогранные образы в источник живых аналогий и воссоздают в нашем воображении живописную, красочную картину.

Одной из важнейших библейских черт в дореволюционной лирике А. Ахматовой является отсутствие подробного сюжетного описания событий. Пейзаж создается при помощи отдельных пунктирно намеченных деталей, призванных воссоздать цельный образ мира. Драматическая коллизия рассматривается Ахматовой, прежде всего, с точки зрения психологии. Поэтому реалии окружающего мира имеют непосредственное отношение к раскрываемым ею образам.

Поэзия Ахматовой насыщена христианской символикой, в ней нередко образы Старого и Нового Заветов: «Во мне печаль, которой царь Давид / Поцарски одарил тысячелетья» («Майский снег» 1916); «И озеро глубокое синело, / Крестителя нерукотворный храм» («Еще весна таинственная млела» 1917); («Библейские стихи: Рахиль. Лотова жена» 1921); «Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел» («Распятие» 1940). В изобразительно-выразительных средствах Ахматова часто использует метафоры, сравнения, эпитеты, насыщенные христианскими и православными понятиями веры, сострадания, любви и милосердия.

«Реквием» Анны Ахматовой отражает великую народную трагедию. По своей поэтической форме произведение близко к народной речи. Как пишет Ахматова, «сотканный» из простых, «подслушанных» слов, поэма с большой поэтической и гражданской силой в полной мере показала свое время и страдающую душу народа. Ахматова старается описать все, чувствуя ответственность перед всеми, кто провел недели и месяцы у крепостных стен в ожидании милосердия. Но прямые аллюзии на евангельский временной пласт намекают, что поэт описывает не только 1930-е годы, но и переписывает сам евангельский сюжет, смещая акценты. Поэма аккумулирует в себе личное, социально-историческое и историко-литературное время и пространство, втягивая в свою структуру множество библейских мотивов.

Стихи самой Ахматовой, подобно многим произведениям Достоевского, являют свод пятых актов трагедий. Какой бы темы ни касалась

поэтесса, какую бы форму ни использовала в создании своих поэтических образов, на всем лежит отпечаток глубоких авторских размышлений о жизни и смерти, памяти и ее роли в человеческом существовании, значении и сущности любви в нашей жизни. Поэту было свойственно, таким образом, тяготение к глубокому действенному познанию человеческой сути и мироздания. Поэт все время стремится занять позицию, которая бы позволяла предельно раскрыть чувство, до конца обострить коллизию, найти последние ответы на вечные вопросы бытия.

Надеемся, исследования в данной области будут продолжены, так как наблюдается значительный недостаток научных работ этой тематики. Более того, обширные возможности для будущих исследований предоставлены не только за счет относительной неразработанности темы, но и за счет ее актуальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахматова, А.А. Собрание сочинений в 6-ти т. / А.А. Ахматова. - Москва: Биографическая проза, 2001.
2. Ахматова, А.А. Собрание сочинений в 8 т. / А.А. Ахматова. - Москва: Эллис Лак, 1998 – 2005.
3. Афанасьева, Н.А. Традиционные поэтические образы в лирике А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук. / А.Н. Афанасьева. - Санкт-Петербург, 2004. - 194 с.
4. Библия. – Москва: Российское библейское общество, 1994. –350 с.
5. Бурдина, С. В. «Реквием» А. Ахматовой как «петербургский текст» русской литературы. / С. В. Бурдина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 5. - Москва, 2003. – С. 148 - 158..
6. Быченкова, Ю.А. Мир образов ранней Ахматовой: 1909-1921: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А.Быченкова. - Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2001. - 17 с.
7. Верховилова, Е. В. Проблема циклизации в поэзии акмеистов: Н. Гумилёв, А. Ахматова, О. Мандельштам: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Верховилова. - Москва, 2009. –182 с.
8. Виноградов, В. В. О поэзии Анны Ахматовой : (стилистические наброски) / В. В. Виноградов ; под общ. ред. И. Э. Гиллельсон. – Ленинград : б.и., 1925. – 164 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=255588> (дата обращения: 11.05.2024). – ISBN 978-5-4475-2336-7. – Текст : электронный.
9. Дементьев, В. В. Предсказанные дни Анны Ахматовой: размышления о творческом пути / В. В. Дементьев. - Москва: Современник, 2004. - 320 с.
10. Добин, Е. С. Поэзия Анны Ахматовой / Е. С. Добин. - Москва: Советский писатель, 1968. - 252 с.
11. Ерохина, И. В. Стиль эпохи Серебряного века и творческая

индивидуальность Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И.В. Ерохина. - Москва, 2001. - 205 с.

12. Жирмунский, В. М. Творчество Анны Ахматовой / В.М. Жирмунский. - Ленинград: Наука, 1973. - 183 с.

13. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учебное пособие / В. В. Заманская. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 305 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69139> (дата обращения: 11.05.2024). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-89349-302-3. – Текст : электронный.

14. Ибатуллина, Г. М. Исповедальность и рефлексия в литературном тексте / Г. М. Ибатуллина. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 148 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=599629> (дата обращения: 11.05.2024). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-4499-1699-0. – DOI 10.23681/599629. – Текст : электронный.

15. История русской литературы XX века : учебник для вузов / под ред. В. В. Агеносова. – Москва : Русское слово, 2014. – 689 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=485396> (дата обращения: 11.05.2024). – ISBN 978-5-00007-417-6. – Текст : электронный.

16. Казан, В.И. Материалы к спецкурсу «Из истории русской поэзии серебряного века». Вып. I. / В.И. Казан. – Грозный: Классика, 1992. – 136 с.

17. Кихней Л.Г. Телесный код в поэзии акмеизма: учебное пособие. / Л.Г. Кихней, Е.Д. Полтаробатько. – Москва: ИМПЭ, 2014. – 160 с.

18. Кихней, Л. Г. Акмеизм : теория и художественная практика : учебное пособие : [16+] / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 492 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=602959> (дата обращения:

11.05.2024). – ISBN 978-5-4499-1690-7. – DOI 10.23681/602959. – Текст : электронный.

19. Кихней, Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла / Л. Г. Кихней. - Москва : Диалог МГУ, 1997. - 145 с.

20. Кихней, Л.Г. Дантовский код в поэзии Анны Ахматовой / Л.Г. Кихней // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. - Симферополь, 2010. – С.114–127.

21. Коваленко, С. А. Анна Ахматова / С. А. Коваленко. –Москва: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. –260 с.

22. Козубовская, Г.П. Восточные переводы А. Ахматовой / Г.П. Козубовская, Е. В. Малышева // Культура и текст - 1998. - № 3, – С. 62 - 77.

23. Кормилов, С. И. Поэтическое творчество А. Ахматовой / С. И. Кормилов. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 32 с.

24. Корона, В.В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций / В.В.Корона. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 263 с.

25. Кушнер, А. С. У Ахматовой / А. С. Кушнер // Ахматовские чтения. - Вып. 3. «Свою меж вас еще оставив тень...» - 1992. – 136 с.

26. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН. - Сер. лит. и яз. - 1993. - Т. 52. - № 1. – С. 3–9.

27. Мень, А. Библия и русская литература / А. Мень // Наука и религия. - 1993. - №1. - С.17 - 20.

28. Мещеряков, В. П. Введение в литературоведение. Основы теории литературы : учебник для бакалавров / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов [и др.] ; под общ. ред. В. П. Мещерякова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 422 с.

29. Мочульский, К. Поэтическое творчество Анны Ахматовой. Анна Ахматова: pro et contra / К. Мочульский. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 359 – 361.

30. Мусатов, В. В. «В то время я гостила на земле...»: лирика Анны Ахматовой / В. В. Мусатов. - Москва: Словари.ру, 2007. - 496 с.

31. Наркулова, И. Р. Воплощение материнского горя в поэме «Реквием» Анны Ахматовой / И. Р. Наркулова, З. Д. Пардаева. — Текст : непосредственный // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). — Москва: Буки-Веди, 2016. — С. 44-46. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/178/10685/> (дата обращения: 10.05.2024).

32. Насрулаева, С. Ф. Хронотоп в ранней лирике А. Ахматовой: книги стихов «Вечер» и «Чётки»: дис. ... канд. филол. наук / С.Ф.Насрулаева. - Махачкала, 1997. - 208 с.

33. Павловец, М.Г. Анна Ахматова / М.Г. Павловец // Русская литература XX века. 11 кл.: Поурочные разработки. Метод. рекомендации для учителя. - Москва: Дрофа, 2001. —114 с.

34. Павловский, А. И. Анна Ахматова. Жизнь и творчество: книга для учителя / А. И. Павловский. - Москва: Просвещение, 1991. —190 с.

35. Пороль, О. А. Библия и русская литература: программно-методические материалы: учебно-методическое пособие / О. А. Пороль. — Оренбург: ОГПУ, 2014. — 104 с.

36. Руденко, М.С. Религиозные мотивы в поэзии Анны Ахматовой / М.С. Руденко— Москва: 2013. – С. 18-51.

37. Руденко, М.С. Художественное осмысление религиозных образов и мотивов в поэзии Анны Ахматовой): дис. ... канд. филол. наук. / М.С. Руденко. - Москва, 1995. - 187 с.

38. Самсонова, Т.А. Евангельские образы в «Библейских стихах» Анны Ахматовой / Т. А. Самсонова. – Москва: Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. 2008. - № 1. – С. 294 - 297.

39. Серова, М.В. Анна Ахматова: Книга судьбы: (Феномен «ахматовского текста»: пробл. целостности и логика внутривзаимодействий) / М.В. Серова. – Ижевск: Екатеринбург, 2005. – 437 с.

40. Смирнов, И.П. К изучению символики Анны Ахматовой / И.П.

Смирнов //Поэтика и стилистика русской литературы / отв. ред. М.П. Алексеев. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 279–287.

41. Струве, Н. Бог Анны Ахматовой / Н. Струве. – Москва: Православие и культура, 1992. – С. 243–244.

42. Тименчик, Р. О «Библиейской» тайнописи у Ахматовой / Р. Тименчик // Звезда. - 1995. - №10. - С. 201 - 208.

43. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт Петербург: Искусство—СПБ, 2003. – 616 с.

44. Фоменко, О. Е. Православно-христианские основы творчества Анны Ахматовой : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Е. Фоменко. - Москва, 2000. - 25 с.

45. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. - Москва: Высшая школа, 1999. - 397 с.

46. Хейт, А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / А. Хейт. - Москва: 1991. –243 с.

47. Чуковский, К. И. Ахматова и Маяковский / К. И. Чуковский // Вопросы литературы. - 1988. - № 1. - С. 180–181.

48. Шевчук, Ю.В. Трагическое в лирике А. Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Шевчук. - Уфа, 2004. - 247 с.

49. Эйхенбаум, Б. М. Анна Ахматова : опыт анализа / Б. М. Эйхенбаум. – Репр. изд. 1923 г. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 135 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=132704> (дата обращения: 11.05.2024). – ISBN 978-5-4475-1303-0. – Текст : электронный.

50. Эткинд, Е. Г. Бессмертие памяти. Поэма Анны Ахматовой «Реквием» / Е. Г. Эткинд. - Санкт-Петербург, 1997. –361 с.